

ПОСТОРОННИМ В

ОТЕЛЬ С БОЛЕЕ ЧЕМ ВЕКОВОЙ ИСТОРИЕЙ ПРОСТО ОБЯЗАН ИМЕТЬ СВОИ ТАЙНЫ. МЫ ЖЕ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ОБЯЗАНЫ ИХ ВЫДАТЬ, ЧТОБЫ ВАШ ОТДЫХ В ЛЕГЕНДАРНОМ МЕСТЕ БЫЛ ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ

А В Т О Р Т Е К С Т А Г Е Н Н А Д И Й Й О З Е Ф А В И Ч У С

Мне всегда было интересно, куда ведет этот маленький лифт. В холл на нем точно нельзя спуститься; этаж, откуда уходит в неизвестном направлении лифт, — верхний, так что и подниматься вроде некуда. Тем не менее лифт приходит, если нажать на кнопку вызова, и куда-то уходит, если войти в кабину и надавить единственную кнопку на панели. Я, признаться, даже пробовал все это нажимать, лифт забирал меня и поднимался, потом я упирался в закрытую дверь, и мое путешествие заканчивалось. Тайна оставалась нераскрытой, и лифт выплевывал меня в коридор, снова проделав путь сверху вниз.

Кабина этого лифта действительно невеликих размеров. Если в нее, к примеру, входит корпулентный мужчина партийно-правительственного вида, то даже тоненькой девушке с ресепшн в лифт уже не поместиться, не придав путешествию двусмысленности, потому как ей, девушке с ресепшн, придется тесно прижиматься к корпулентному мужчине партийно-правительственного вида, хочется ей (или ему) того или нет.

Впрочем, семейные пары в кабину таинственного лифта проникают легко. И даже потертым сумкам Goyard и портпледам с монограммами Louis Vuitton (и, понятно, с инициалами владельцев)

вместе со спортивного вида пассажирами в том лифте находится место. На то они, пассажиры, спортом и занимаются.

А вот официант с тележкой в подъемник не влезает, и приходится ему, горемыке, показывать шоу уровня Cirque du Soleil, сохраняя равновесие с подносом, уставленным чашками, кофейниками и корзинками с круассанами.

Установлен этот лифт в отеле Badrutt's Palace. А запертая дверь ведет, как оказалось, в ту самую похожую на аэродромную вышку башню, что нависает над гостиничной крышей и видна в Санкт-Морице, главной гостиницей которого Badrutt's считается последние сто лет, отовсюду.

Раскрыл я эту совсем не страшную тайну самым естественным образом: в последний свой приезд в Badrutt's (было это летом) попросил ту самую тоненькую девушку с ресепшн организовать мне экскурсию в лифт и в то место, куда лифт доставляет своих пассажиров.

Тоненькая девушка не заставила себя уговаривать и, особо даже ко мне не прижимаясь, поднялась вместе со мной к той двери, которая всегда раньше оставалась для меня закрытой. Провожатая прижала карточку к замку, дверь отворилась, и мы оказались в устланном шкурами пространстве с круговым обзором.

— Сэр, мы на первом уровне башни. Раньше сюда мог войти только владелец этих апартаментов, потому как башня, являясь частью отеля, отелю не принадлежит; она выкуплена давным-давно и никогда раньше не сдавалась внаем. Но время идет, и владелец дал нам разрешение в исключительных случаях пускать сюда постояльцев.

— Любых?

— О нет. Вы не поверите, но имя каждого клиента с ним согласовывается. И это при том, что в сутки башня стоит 25 тысяч франков. Не в сезон.

— Да что она, эта башня — из слоновой кости, что ли?

— Примерно, — и тоненькая девушка с гесертюн улыбнулась на тот манер, который отличает тоненьких девушек от всех остальных.

Заглядывая в окна аэродромной вышки, из которой можно было бы запросто управлять движением кайтов, парящих над местным озером, я обошел первый уровень башни, потом поднялся по лестнице на второй этаж (там гостевые спальни) и закончил экскурсию на самом верху, в хозяйской спальне, занимающей все предоставленное пространство. Ванная нашлась за изголовьем гигантской кровати, застланной огромным кашемировым пледом и все теми же шкурами.

Налюбовавшись на горы, небо, озеро и виды летнего Санкт-Морица, я проделал путь в обратном направлении, дверь за мной и тоненькой девушкой с гесертюн закрылась, мы снова совершили поездку на лифте, и я, вполне удовлетворенный увиденным, спустился в подвал. Уже на основном лифте — том, что со старомодной откидной скамейкой, обитой красным бархатом. Раньше этот лифт ходил только из холла на этажи, а, к примеру, чтобы добраться до гостиничного SPA,

надо было совершать пересадку, затем ехать еще вниз, а потом долго идти по довольно мрачному коридору. Теперь, когда администрация отеля вгрызлась в скалу, на которой стоит Badrutt's Palace, прямо под холлом появилась пещера со скамейкой, ставшая конечной станцией лифта и отправной точкой похода в SPA. Так что сам поход стал куда более приятной процедурой.

SPA, вернее, общественные зоны при нем, тоже заметно преобразились. Баня перестала выглядеть финским сараем, но превратилась в изящный, с мраморными скамьями и фонтаном посередине, восточный дворик, откуда можно попасть в разные парилки. В сухие, полусухие, мокрые. В разные, но одинаково прекрасные.

Впрочем, при всех изменениях мы давно научились ценить Badrutt's за его постоянство — за специальный «бадруттовский» сервис, за рафаэлевскую «Сикстинскую мадонну» в библиотеке (уверяют, что она подлинная, но ни доказать, ни опровергнуть это утверждение никому пока не удалось), за коктейли у камина в старом баре, за старомодную привычку требовать наличие пиджака в ресторане, за потрясающий завтрак с видом на горы. За номера, конечно. За отсутствие слова «нет» в лексиконе консьержа. За все те мелочи, из которых получается великий отель.

Да, за мелочи.

Вещи покрупнее могут и делают все. А вот такие невесомые, почти неощутимые, совсем прозрачные детали, которые, в конечном счете, и отличают просто приличное заведение от выдающегося отеля (здесь заметим, что Badrutt's — отель не просто выдающийся, а легендарный, великий), замечают и делают только единицы. И слава Богу. Легенд не может быть много. ~